

Глава 4

ЖИЗНЬ В МИРЕ СМЕРТИ

СУД И ВОСКРЕСЕНИЕ

Проблеме этических норм и воздаяния за грехи посвящено множество научных работ, но о единстве мнений здесь говорить не приходится. В центре обсуждения, как правило, оказываются проблемы ответственности человека за свои поступки, развитости этики и использования магии для решения всех этих неудобных вопросов. Важнейшим фактом, с которым невозможно не согласиться, является само наличие загробного суда в мире ином как одной из важнейших процедур в трансформации покойного в *ах*.

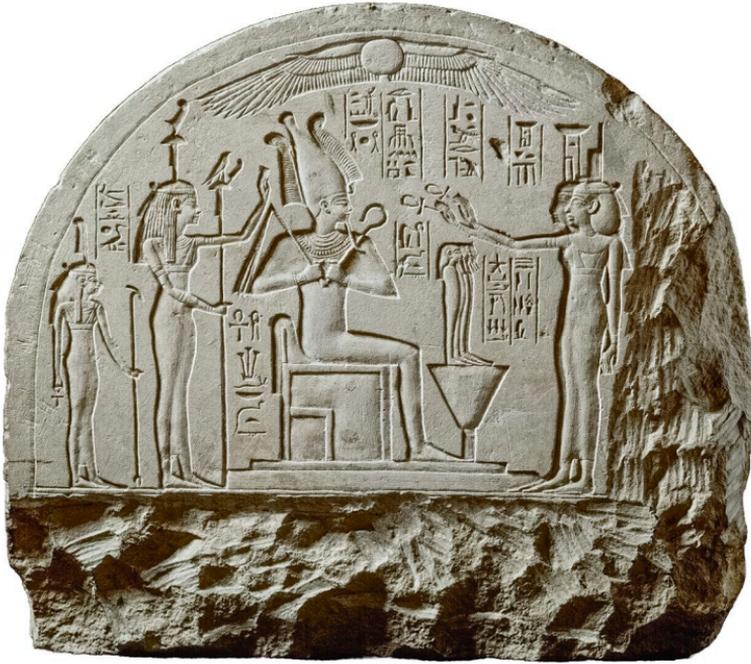
Во всех древнеегипетских «книгах иного мира» покойный отождествляется с Осирисом. Все погребальные ритуалы и обряды, а также манипуляции, производившиеся с телом покойного, повторяли те действия, которые были совершены над Осирисом. Именно Осирис стал первым умершим и погребенным, прошел через смерть, но воскрес, и именно к воскресению сводились все устремления древнего египтянина после кончины. Осирис преодолел страшную смерть: его тело было расчленено, но собрано воедино, бог вернулся к существованию, и останки его не истлели. Многие поколения египтян питали веру и надеялись на то, что и им уготована схожая судьба вернуться к жизни после смерти, наслаждаться покоем и чувствовать радость и насыщение, пребывать в нетленном теле, как Осирис. В многочисленных молитвах, обращенных к этому богу, он называется «Великий бог», «владыка вечности», «царь Дуата», «первый из западных».

Для получения пропуска в мир бессмертия и благоденствия, кроме очищения и консервации тела, покойный должен был продемонстрировать, что он не является «врагом бога», что при жизни в своих поступках он руководствовался божественным законом Маат и не нарушал его. Для получения статуса *маа-херу*, то есть «правдивого голосом» и имеющего право на вечную жизнь, нужно было доказать, что человек достоин такого статуса. Для этого следовало пройти через суд богов перед лицом Осириса: с ним отождествлялся умерший, и он был своего рода гарантом и образчиком, с которым соотносились ответы покойного. Однако стоит отметить, что «суд Осириса» — это условное понятие, поскольку судил покойного не только этот бог, но и 42 бога-судьи, Эннеада («Девятка богов») во главе с Ра и Осирисом. Строго говоря, покойного судил не просто Осирис, а Великий бог в момент, когда Ра и Осирис объединялись в одно целое в Дуате.

Подробнее всего суд описывается в Главе 125 «Книги Мертвых». «Суд Осириса» является центральным событием всего сборника. Как правило, глава содержит иллюстрацию, которая подробно описывает происходящее и занимает всю ширину папирусного листа.

Зал Двух Истин представляет собой обширное продолговатое помещение с плоским перекрытием, которое покоится на лотосообразных колоннах. Вдоль продольной стены зала расположились боги-судьи, а в его дальней части на помосте или вершине лестницы находится небольшой тростниковый наос. Перекрытие может быть как плоским, так и сводчатым, с высоким карнизом, который венчает ряд кобр с солнечными дисками на головах. Эта архитектурная конструкция также покоится на изящных колоннах.

Внутри на троне восседает Осирис в белых одеждах, в короне *атеф* с перьями и рогами, в его руках — плеть и посох, как у царя мира иного. Перед ним — стол с подношениями, лотос с фигурками четырех сыновей Хора или его фетиш (*имиут*)

Фрагмент стелы с изображением Осириса на троне. Богини Исида и Нефтида дают ему «дыхание жизни» в виде знака анх, за его спиной — богини Аментет и Маат.
Ок. 1550–1070 гг. до н. э.

из шкуры обезглавленного животного. За спиной Осириса стоят богини Исида и Нефтида. Посреди зала установлены весы, взвешивание на которых контролирует бог Анубис, а стоящий подле них бог Тот записывает показания. Чаши весов всегда изображаются в положении равновесия. На одной из них лежит страусиное перо — символ Маат, на другой — сердце покойного как вместительница его чувств и помыслов. Равновесие весов — это и есть искомая цель процедуры взвешивания. Такое положение демонстрирует, что сердце покойного соответствует Маат, что оно не было отягощено неправедными мыслями, ведь зло рассматривается как нечто осязаемое и весомое.

Пришедший в Зал Двух Истин должен держать ответ за свои поступки и мысли при жизни. В свидетели призван родильный кирпич, который иногда изображается рядом с весами как персонаж, знающий человека с момента его появления на свет. От покойного требуется опровержение всех возможных грехов — «отрицательная исповедь». С этой речью усопший обращается к божественному судье — Великому богу, владыке Двух Истин:

Я не совершал несправедливости против людей.

Я не притеснял ближних.

Я не лгал в Месте Истины...

Я не грабил бедных.

Я не делал того, что не угодно богам.

Я не подстрекал слугу против хозяина.

Я не отравлял.

Я не убивал.

Я не приказывал убивать.

Я не сделал зла никому.

Я не присваивал храмовые дары, я не осквернял хлеба богов...

Я чист, я чист, я чист...

Мне не причинят вреда в Зале Двух Истин, ибо я знаю имена богов, пребывающих там.*

Совершал ли человек эти грехи при жизни или нет, никогда доподлинно неизвестно, но представляется очевидным, что перед лицом божественного суда ответчик не пытается никого обмануть. Нельзя исключать, что сила божественного слова, которым пользуется усопший и которым написана «Книга Мертвых», отменяет любой грех, если он и был совершен. Отрицание греха само по себе восстанавливает Маат, исправляет совершенные при жизни ошибки и избавляет человека от мучительных

* Перевод О. И. Павловой.

«Книга Мертвых» Таиснахт. Виньетка к Главе 125. Птолемеевский период,
332–30 гг. до н. э.

сожалений, не дающих ему упокоиться с миром. Но, по-видимому, любой возможности есть предел — Амаат-пожирательница изображается рядом с весами неслучайно. Это чудовище с головой крокодила, телом льва и задней частью гиппопотама воплощает образ трижды страшной смерти для египтянина от зубов и когтей самых опасных хищников, которые были ему известны, да еще объединенных в одном существе. Но больше всего египтянина пугало, что, будучи проглоченным Амаат, он исчезнет — не просто умрет во второй раз, а пропадет без следа, как будто никогда и не жил. Его индивидуальность перестанет существовать, и он будет всеми забыт — вот что приводило в состояние ужаса и праведников и грешников.

Кроме взвешивания сердца (основного летописца его жизни) и отрицания мерзких для богов поступков, египтянин обращался к каждому судье, называя его имя и свидетельствуя о своей невиновности. В завершение испытания подсудимый также просит бога Тота сообщить о своем прибытии Осирису — «тому, чей свод из огня, чьи стены — живые кобры, а пол — водный поток».

Так египтянин, обладающий легким сердцем, успешно проходит суд богов, а отягощенный грехами лишается права

на вечную жизнь и обрекается на повторную смерть и забвение. Предполагалось, что «снабженный» покойный (*ах аперу*), имеющий с собой амулеты и благодаря путеводителям по иному миру знающий, что и кому сказать, правильно поведет себя в Зале Двух Истин и в результате будет объявлен оправданным — *маа-херу*.

ВЕЧНОСТЬ КАК РАЙ ИЛИ АД

Посмертную судьбу египтянина исследователи нередко толкуют как воздаяние за грехи или награду за следование божественному закону Маат. Отсюда в описаниях древнеегипетской религии появляются образы рая и ада. Однако такое разделение древнеегипетского иного мира на области блаженства или вечных мук и приравнивание к важнейшим понятиям христианского богословия, конечно, не является исчерпывающим описанием того, чего ждали от загробной жизни египтяне. Скорее, это в некотором роде перемещение языческих представлений на ниву христианской образности.

Стоит, впрочем, отметить, что предпосылки к этому были. Самым светлым и схожим с раем образом были Поля Хотеп и Поля Иалу, где покойный наслаждался изобилием и довольством во всем. Там было много воды, злаков и света — всего того, благодаря чему это место можно назвать «земледельческим раем» древнего египтянина.

После того как суд богов оправдывал покойного, он становился *маа-херу* («правдивым голосом») и покидал иат Осириса. Теперь, согласно Главам 109 и 110 «Книги Мертвых», он мог отправляться на Поля Хотеп и Поля Иалу.

Поля Иалу, или Поля Тростников, как описывает Глава 109 «Книги Мертвых», окружены стенами из металла. Высота пшеницы на этих полях — пять локтей, а ячменя — семь локтей.

Фрагмент рельефа с изображением колосьев ячменя.
Новое царство, период Амарны, ок. 1353–1336 гг. до н. э.

Аху пожинают там урожай рядом с божественными душами Востока. Посреди Полей Иалу на насыпи над гробницей Осириса растут два сикомора из бирюзы — это срединные ворота восточного горизонта. Через них проплывает Ра «с ветром Маат». Здесь и находится выход из Дуата, через который выплывает на восточный горизонт солнечная барка.

Покойный пребывает на Полях Хотеп, то есть Полях Приношений или Полях Покоя. В египтологической литературе их также называют «елисейскими полями». Они изрезаны водными протоками, в которых нет ни рыбы, ни змей и которые образуют четыре озера. Здесь покойный пирует за столом с подношениями и получает «лепешки и пиво, и быков, и уток, и хлеб, и все чистые вещи, и льняные одежды, и ежедневное курение благовоний, и ежедневные подношения на алтарь, и хлеба всякие, и молоко, и вино, и небесную пищу» (согласно Главе 110 «Книги Мертвых»). Однако, кроме пиршества, покойному нужно вспахать поля на упряжке быков и собрать урожай — пищу для аху, то есть прежде всего для богов, «которые вокруг кари». Судя по нескольким сохранившимся спискам этой главы, принадлежавшим женщинам, им в этих трудах помогал

«Мифологический папирус» Несамона. Изображения 11-го часа «Книги Ам-Дуат». В нижнем регистре показано наказание «врагов бога». XXI династия, 1076–944 гг. до н.э.

мужчина, вероятно муж*. Кстати, именно для выполнения этой сельскохозяйственной работы египтяне запасались таким большим количеством ушебти, которые трудились за своего хозяина. Таким образом, блаженное пребывание на Полях Хотеп даровало усопшему благоденствие и изобилие. Полное удовлетворение и покой сближает этот образ с райской обителью, хотя основа его для египтян была весьма прагматична: сытый желудок и отсутствие тяжелого труда.

Ранние исследователи древнеегипетских заупокойных текстов (Г. Кеес, Г. Шак-Шакенбург, Г. Жекье, Э. У. Бадж) искали образы ада, Гадеса, Шеола в описаниях скитаний покойного по опасным областям Дуата и его встреч с местными обитателями, с их острыми ножами, клыками и когтями. Однако ад как таковой для египтян отсутствовал: обвинительный приговор суда подразумевал полное прекращение существования, исчезновение в пасти Амамат. Но для «врагов бога» различные мучения и страдания активно описываются в «книгах иного мира», особенно в «Книге Ам-Дуат». Например, в верхнем регистре седьмого часа представлены связанные и обезглавленные «враги бога» перед лицом Осириса. В одиннадцатом часе «Книги Ам-Дуат» появляется змея со страшным именем «Та-что-сжигает-миллионы», и здесь же показаны огненные

* По египетским представлениям, женщины сеют, а мужчины — вспахивают землю.

места уничтожения голов и теней, а над ними стоят богини с острыми ножами, изрыгающие огонь.

Начиная со Среднего царства, путеводители по Дуату заполняют упоминания и изображения бойни и котлов, где в мучениях уничтожаются те, кто восстал против Великого бога и стал его врагом. Однако упоминания о наказании врагов есть уже и в «Текстах Пирамид», где с этими супостатами поступали хуже, чем с животными, а их уничтожение путем сжигания или расчленения — универсальный мотив всей заупокойной литературы. Основным врагом, конечно же, является змей Апоп, который выпил всю воду подземного Нила и не позволял солнечной барке плыть дальше, загромоздив своими кольцами все русло. В этот момент и происходит главная битва добра со злом, воплощенном в Апопе. Его расчленение противоположно собиранию тела Осириса, и, кроме того, из разрубленного тела змея выходит вся проглоченная им вода, так что Солнце может плыть дальше по своему пути через иной мир.

Все эти ужасы изображаются скорее для острастки: никому и в голову не приходит, что покойный, снабженный всеми необходимыми сведениями в виде папирусных свитков с загробными путеводителями, а также надежными амулетами и заговорами, может попасть в такую неловкую ситуацию. Так, Глава 176 «Книги Мертвых» папируса Ну посвящена тому, как не умереть во второй раз. Покойный заявляет, что он «не попадет в комнату пыток» и не будет «проделано со мной то, к чему боги питают отвращение». А если в «Книге Мертвых» так написано, значит, все закончится хорошо.

ВСТРЕЧА С БЛИЗКИМИ В МИРЕ ИНОМ

Как древний египтянин идентифицировал себя? Это был индивид с именем, данным ему при рождении, и титулами, заслуженными при жизни. Немалую роль в самоаттестации для человека

играли его родители, а также родовые предки, имена которых редко назывались, но их наличие и почтительное отношение к ним было безоговорочным. Кроме того, мужчина мог быть главой семьи и отцом многочисленного потомства; женщина могла быть женой, хозяйкой дома и матерью. Все эти родственные связи, которые вбирали в себя также братско-сестринские отношения, а еще отношения с дядями и тетями, племянниками и племянницами, имели не только социальное, но и сильное эмоциональное значение, подразумевая любовь и привязанность к кругу близких по крови людей. Отношения с близкими очень ценились, они предполагали взаимопомощь, поддержку и ощущение единства семьи.

Эти чувства и эти связи стремились сохранить и после ухода из жизни. Смерть не была поводом для их разрыва — наоборот, это событие объединяло семейство в пору похоронных церемоний. Но и сам покойный, хоть и покидал мир живых, не вычеркивался из системы родственных связей, а продолжал идентифицировать себя через них. Когда человек переходил в социальную группу предков, семья была важнейшим показателем его жизненной состоятельности. У него есть те, кто проведет все обряды, оплатит похороны и будет его поминать. И у него есть его продолжение на земле — дети. Благодаря внешнему сходству с покойным родителем дети также считались воплощениями его *ка*: увидев детей умершего, мы, как правило, вспоминаем о покойном.

Но и сам усопший в ином мире не будет забыт и не останется в одиночестве. Для этого очень важно продолжать ощущать себя собой — человеком, встроенным в те отношения, которые были его характеристиками при жизни. Поэтому последующее воссоединение с семьей в вечной жизни было не просто райской мечтой или чем-то желанным, но труднопредставимым, а, напротив, вполне реальным и даже необходимым событием. В изречении СТ 38 «Текстов Саркофагов» упоминается о встрече с близкими после смерти. На различных виньетках на стенах гробниц

как Древнего и Среднего царств, так и рамессидского времени изображаются не только владельцы погребений, но и члены их семей: жены, дети и даже домашние животные.

Супруги и дети могли быть погребены в одной и той же гробнице или иметь отдельные погребения. Однако уже с Древнего царства установилась практика помещать в гробницу не только статую ее владельца, но и целые семейные портреты. Даже царь IV династии Менкаура поместил в своем поминальном храме не только скульптуры, изображавшие его рядом с богами, но и статую, запечатлевшую его с супругой Хамерернебти. Муж и жена изображались бок о бок, будь то царь или вельможа. Причем по этикету как на рельефных изображениях, так и в скульптуре именно женщина, как правило, обнимала своего супруга и кормильца, демонстрируя нежность и почтение к главе семьи. Иногда жене отводилась более скромная роль, которая также была характерна и для детей, в особенности для любимых дочерей портретируемого, — их изображали в уменьшенном масштабе у его ног. Довольно часто на гробничных рельефах под креслом покойного, сидящего за столом с приношениями, изображается любимая кошка или собака: при жизни его связывали с ними чувства, делавшие человека собой, и он не хотел отказываться от них в ином мире.

Такие семейные портреты можно увидеть и в ГМИИ имени А. С. Пушкина (например, скульптурная группа Униу с женой и сыном, относящаяся к VI династии; скульптурная группа Ниаи и Исиды XIX династии), и в Государственном Эрмитаже (статуя писца Шери с супругой Сатамон, сыном Амонипет и дочерью Танеферт эпохи XVIII династии). Одним из самых интересных является скульптурная группа Аменемхеба из Эрмитажа также XVIII династии. Градоначальник Фив Аменемхеб изображается в окружении двух главных женщин его жизни — матери Кало и жены Таисеннеферт. Все три фигуры одеты в богатые одежды и пышные парики, на них богатые украшения. Но понять, кто же

из двух женщин жена, а кто мать, удастся не сразу, — определить это можно благодаря иероглифическим надписям, настолько обе женщины показаны молодыми и прекрасными, с идеальными точеными фигурками, высокой талией и длинными ногами. Задняя сторона этой постамарнской скульптуры выровнена и превращена в своего рода стелу с текстами — обращением к богам и извлечениями из различных глав «Книги Мертвых».

Кстати, «реформатора» Эхнатона чаще других древнеегипетских правителей изображали в кругу семьи. Именно во времена Амарны словно приподнимается завеса над личной жизнью царя, которая до этого была скрыта от глаз. От эпохи Амарны дошло немало изображений царя с семьей: супругой Нефертити и дочерьми; он обнимает и даже целует своих близких. Однако в большинстве своем эти изображения не были связаны с погребальной сферой, а имели четко обозначенную культовую функцию, представляя египтянам идеал божественной семьи для поклонения.

Тутанхамон на предметах из своей гробницы также не единожды изображается с супругой Анхесенамон: например, на спинке трона под лучами божественного Солнца или на великолепном ларце с образом стреляющего из лука молодого царя и прекрасной молодой царицы, сидящей у его ног.

Одну из самых запоминающихся семейных сцен среди гробничных изображений представляет фиванская гробница Инхерхау (ТТ 359) рамессидского времени с замечательными по мастерству исполнения росписями. На одной из сцен подношений покойный Инхерхау восседает на кресле в пышном длинном белом платье и принимает дары, а за его спиной, нежно положив ему руки на плечи, сидит супруга также в белых одеждах. Они изображены в окружении своих маленьких полностью обнаженных детей — трех дочерей и сына. Одна дочь сидит на ступнях отца, обутого в белые сандалии; локон другой девочки, стоящей буквально под его правой рукой, он нежно поглаживает; третья

Стела с изображением Эхнатона и Нефертити с дочерьми. XVIII династия, период Амарны

дочь почтительно стоит за креслом матери, к коленям которой протягивает ручки малыш-сын.

В папирусе «Книги Мертвых» жрицы Анхאי (Британский музей, инв. № ЕА 10472) в виньетке к Главе 110 есть любопытная деталь: на Полях Хотеп женщина склоняет голову перед двумя фигурами предков — матью Нефертиу и отцом, имя которого не названо*. Таким образом, покойный имеет возможность обрести родителей, значительно раньше него ушедших в мир иной, а не только жену и детей, братьев и сестер. Причем,

* В тексте папируса Ани также говорится: «И я видел Осириса [отца моего], и я лицезрел мать мою».

по-видимому, вне зависимости от того, кто из них умер раньше, встреча происходит и они воссоединяются на Полях Хотеп.

Согласно Главе 175 «Книги Мертвых» на папирусе Ани, в ином мире человек «не удовлетворит желаний любви», что подразумевает отсутствие сексуальной жизни*, однако он обретет «состояние сияющих существ, которое будет дано вместо воздуха, воды и удовольствий любви», и на него снизойдет «спокойствие сердца». Это идеальное состояние равновесия и спокойствия, по-видимому, предполагает, что покойный соединится со своими близкими, плоть от плоти его, подобно тому как Атум сначала породил богов из членов своего тела, а затем соединил себя вновь в единого совершенного бога.

* Стоит отметить, что в Главе 110 «Книги Мертвых» говорится о том, что покойный наслаждается «радостями любви» на Полях Хотеп.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

